

Институт международных
исследований,
г. Женева, Швейцария

Перевод с английского
А. Б. ДИДИКИН

Институт государства
и права РАН,
г. Москва

ПРИЧИННОСТЬ И ВОЗМЕЗДИЕ¹

Представлен перевод статьи австрийского философа и правоведа Ганса Кельзена, посвященной концептуальному осмыслению принципа причинности в гуманитарном познании. В статье формулируется и обосновывается тезис о том, что истоки представлений о причинности в природе следует искать в античной мифологии и философии, где ключевым ориентиром для восприятия природы и общества был принцип возмездия. На основе историко-философской реконструкции философских идей Гераклита и Демокрита Г. Кельзен прослеживает эволюцию принципа причинности до наших дней, в том числе в связи с появлением новых теорий в области квантовой механики и математики.

Ключевые слова: причинность, возмездие, мифология, античная философия, Ганс Кельзен.

Перевод публикуется с разрешения Института Ганса Кельзена (Австрия, Вена).

I

Причинность не является, как предполагалось, формой мышления, которой человеческое сознание наделено по естественной необходимости — тем, что Кант именуется врожденным понятием, — но бывали периоды в истории человеческой мысли, когда человек еще не мыслил причинно, то есть человек не осознавал причинность как абсолютно действительный закон для всех событий. Закон причинности как принцип научного мышления впервые появляется при относительно высоком уровне ментального развития. Такая концепция причинности совершенно чужда мышлению архаичных народов, живущих сегодня. Они интерпретируют природу в другой системе, нежели причинность, а именно в социальных категориях. Для архаичного человека еще нет никакой «природы» в контексте соединения элементов, отличающегося от общества и детерминированного причинными связями. То, что современный человек понимает под природой, для архаичного человека с его анимистическим, или, точнее, персоналистическим восприятием ее как части его общества и потому управляемой теми же законами, что и само общество. Так называемый «естественный человек» («Natur-Mensch»), на самом деле социальный во всех отношениях, полагает, что порядок в его сообществе, правовой порядок, также управляет и природой и последовательно интерпретирует природу в соответствии с теми же фундаментальными правилами, такими, что определяют его отношения с членами группы. Однако фундаментальной нормой первобытного социального порядка является принцип возмездия, полностью управляющий социально ориентированным сознанием ранних

людей. Интерпретация природы в соответствии с принципом возмездия выражается сама по себе в действительном поведении первобытного человека по отношению к животным, растениям и неодушевленным предметам, и особенно в его религии и мифах.

Такое было в философии природы древних греков, что оформило понятие причинности в сознании человека. Однако в этой философии, отличающейся от мифологических и религиозных идей, в большинстве своем соответствующих менталитету первобытного человека, нам известна решающая роль принципа возмездия. О превращении принципа возмездия в закон причинности я могу в этом кратком обзоре привести лишь два примера: Гераклит и Демокрит.

Гераклит утверждал, и это хорошо известно, что война есть отец и царь всех вещей. В этой войне, которую стихии ведут друг с другом, он признает закон всей жизни, и этот универсальный закон, центральная идея его философии в целом, является волей Логоса, означающей то же самое, что и вечный, трансцендентный, всеобщий, всем управляющий разум. Все происходит согласно этому закону, который отождествляется с судьбой. Очевидно, что это закон причинности. У Гераклита необходимость событий, эта существенная функция причинности, по сути, воля божества, представленная олицетворением разума. Божество является выражением абсолютной действительности порядка с выраженной в нем волей самого божества, и в качестве абсолютности, неприкосновенности может проявляться только как качество трансцендентного экземпляра, существующего вне всякого опыта.

Эта необходимость, судьба, выражается словом *εἰσαρμενῆ*. Слово *μεῖρομα* обозначает получить свою долю. Этимология происходит от *όμεῖρομα*, корнем которого является *σμεγ*, выделять, на латыни *mergo*, заслуживать. Слово, выражающее каузальную необходимость, потому первоначально означало заслуженное наделение. Судьба дает все, что предназначено, — как награду, так и наказание. Можно предположить, что идея возмездия лежит в основе понятия судьбы, как того, что суждено каждому, из-за заслуг или вины, через неумолимую волю воздаяния божества. Фактически именно у Гераклита *εἰσαρμενῆ* по сути неприкосновенность юридических норм и юридические нормы, несомненно, являются нормами возмездия. Через нормативный характер универсального закона Гераклита — нормы о том, что каждый должен повиноваться, но такое по глупости иногда бывает не так. Повиновался — видно из следующего фрагмента: «Солнце не пойдет дальше установленной меры (т.е. ему предписанного пути), но если такое случится, Эринии, помощницы Дике, знают, как его удержать». Эринии — это хорошо известные духи мести в греческой религии и Дике — богиня возмездия. Орфики называют ее «неумолимой», «судьей тем, кто не повинуется божественному закону». Значение сказанного Гераклитом для истории научного мышления заключается в том, что незыблемость закона причинности, из-за которого солнце следует своим путем, является принуждением Богини Справедливости, *обязательности правовой нормы*, нормативной необходимости. Незыблемость универсального закона состоит вовсе не в том, что оно всегда наблюдаемый; случай с солнцем, переходящим свой предел, не за рамками вопроса. Незыблемость заключается скорее в том, что нарушение закона всегда и без исключений карается, потому что универсальный закон, как и юридическое правило, является нормой в основе санкций, и в соответствии с ней законом возмездия и как таковой неизменной волей божества.

Для атомистов, последовательно исключаящих из наблюдения за природой все теологические точки зрения, закон природы перестает быть нормой, то есть выражение воли. Он становится выражением безличной объективной необходимости, *αναγκη*. Демокрит признает это в воздействии и противодействии атомов, которые сталкиваются друг с другом. Любое изменение состоит лишь в объединении и разделении частей, ничего не существует, кроме атомов и пустого пространства и все события происходят так, что атомы «не соответствуют друг другу», сталкиваясь снова и снова в пустом пространстве». Таким образом вещи появляются и исчезают. Если Демокрит понимает необходимость как воздействие и противодействие атомов, это означает, что он видит причинность в феномене, где схематично присутствует действие и реакция. Однако эта идея лишь аналогична принципу возмездия, который связывает действие с его специфической реакцией, а именно, вину с наказанием, заслугу с наградой. Дело в том, что атомы ударяются друг о друга, внося «разлад» (так же как у Гераклита вещи постоянно находятся в «войне»), и «соединяются в силу их противоположного поведения», например как вина и наказание также указывает на такое направление. Таким образом как элементы, связанные принципом возмездия, противоположны по направлению их действия, но, тем не менее, с учетом их характера, поскольку лишь так, соглас-

но закону причинности у Демокрита, среди атомов, находящихся в «разладе», только подобное может повлиять на подобное. Фрагмент из Демокрита гласит следующее: «Животные действуют вместе с такими же животными — голуби с голубями, журавли с журавлями и аналогично остальные животные. То же самое верно и для неодушевленных вещей, как можно заметить на примере зерен семян, просеянных беспорядочно, и в случае с галькой после прибоа. В первом случае вихревое движение сетки производит эффект разделения так, что чечевицы направляются к чечевицам, зерна ячменя к зернам ячменя, зерна пшеницы к зернам пшеницы, а в последнем случае длинные камешки движутся к длинным, круглые к круглым волной прибоа, как будто *схожая свойственная вещам сила притяжения создана между ними*». Если магнит притягивает железо, то именно потому, что магнит и железо состоят из одного и того же вида атомов. Как вина тянет за собой наказание, аналогичное по своей сути, например, убийство притягивает убийство (как кровная месть или смертная казнь), как заслуга притягивает похвалу, по существу похожую на нее, так и магнит притягивает железо, потому что последнее «похоже» на первое. И когда Аристотель изобразил атомистический закон причинности словами: «Они утверждают, что ничего не происходит случайно, но в силу существования определенной причины (*τι αίτιον*) всего, что, как утверждается, происходит спонтанно или случайно» и когда у Демокрита и еще где-то ранее, в старой философии природы, причина означает *αίτια*, нельзя забывать, что это слово первоначально обозначало «вину». Причина ответственна за эффект. Это внутренняя связь между двумя фактами в качестве закона причинности еще не совсем исчезла из современного мышления в естественных науках.

II

После победы христианства идея причинности как объективного закона, имманентного природе, развитая в атомистической теории, затерялась в теологической концепции Средневековья. Обновленная естественная наука, основанная Бэконом, Галилеем и Кеплером, впервые возрождает эту идею, но причинность, по крайней мере до Юма, вновь рассматривается как норма, поскольку она под влиянием христианской теологии ощущается как выражение воли, а именно божественной воли. Критика Юма была в основном направлена против понятия, которое все еще преобладало в его время, что связь в вещах самих по себе как внутренняя связь существует и между причиной и следствием. Но откуда произошла эта идея о том, что необходимость соединения причины и следствия объективно основывается и потому имманентна причинным событиям, что причина порождает или притягивает следствие, что не только *post hoc*, но и *propter hoc* существует между ними? Вероятно, как показывает развитие древнегреческой философии, это исходит из принципа возмездия. Этот принцип как выражение трансцендентной воли, независимо от подчиненных ей лиц, от конкретной объективной власти, который связывает наказание с виной, награду с заслугой, выделяет наказание «за счет» вины, награды «за счет» заслуги. Пока идея трансцендентной власти наделяется разумом и существует воля, не может быть никакой разницы между соединением вины и наказания, или награды и заслуг, с одной стороны, и причины со следствием — с другой стороны, насколько вообще возможно различить эти

две пары. В обоих случаях это соединение должно осуществляться по воле власти, так же как нельзя проводить различие между моральным правом и естественным правом, поскольку оба они считаются проявлением божественной воли. Последнее является объективной связью, удерживающей вместе причину и следствие, даже когда закон причинности отделяется от принципа возмездия. Если критика Юма и Канта преобразует принцип причинности из объективно необходимой связи причины и следствия, имманентной природе, в субъективный принцип человеческого знания, она лишь освобождает этот принцип от одного элемента, который вытекает из принципа возмездия.

Другой элемент понятия причинности, с которым сталкивается современная физика, это тезис о том, что следствие должно быть равно причине. Мах уже показал, что это предложение является полностью «пустым». Проблематичный характер уравнивания причины и следствия очевиден в силу того факта, что двойственность причинности, характерная для современного понятия, имеет в качестве предпосылки идею, что одна причина имеет лишь одно следствие и что одно следствие прослеживается только от одной причины. Но, поскольку каждая причина сама по себе должна быть рассмотрена как следствие другой причины и каждое следствие как причина последующего следствия, каждый аспект причинной детерминации кроется в бесконечной цепи причинности, имеющей характер континуума. То, что мы извлекаем из бесконечной цепи бесчисленных элементов только два элемента, такие как «причина» и «следствие», вменяемые только этой причине, это следствие вековой привычки думать о природе в контексте принципа возмездия, соединяющего только определенное событие, квалифицируемое как неправильное, с другим событием, наказанием, точно так же определенным и отделенным хронологически от первого, и которому «вменяет» другие. Начиная с так называемого «кондиционизма», представленного Верворном, понятие причины отброшено как бесполезное и заменено на «условия» или «компоненты» события. Аналогично понятие следствия (эффекта) было заменено понятием «результатирующих». Однако необходимо специально указать на один из условий или компонентов события как «решающего», так что различие появляется между причинами как собирательным понятием всех условий действия, взятых вместе, и причиной в более узком смысле как «немедленного» или решающего условия одного из условных последствий. Следовательно, понятие причинности в реальности не отброшено, а только лишь изменено. То, от чего отказываются, это просто часть идеи причинности, опять же возникает в области идеи возмездия, двойственности. Здесь и только здесь эта идея фактически неоспорима — один деликт, одно наказание. Критика закона причинности с позиции так называемого кондиционизма также нацелена только на его отделение от принципа возмездия.

Этот принцип соединяет две его части в том смысле, что одна должна хронологически предшествовать другой — сначала преступление, а затем наказание, сначала заслуга, а потом награда. Две части, соединенные по принципу возмездия, необратимы. Как инверсия одновременно двух частей также немислима. Закон причинности является и был изначально таким, например, по аналогии с принципом возмездия, который соединяет две его

части в необратимой хронологической последовательности, и в этой форме в основном рассматривается как фундаментальная форма закона природы. Эта идея больше не была пригодна, когда стало необходимо допустить имманентную связь причины и следствия и заменить это допущение понятием чисто функциональной зависимости. Хронологическая последовательность явлений больше не содержится в этом понятии как существенный элемент. Функциональная зависимость может существовать лишь между одновременными событиями. Однако если существует отношение функциональной зависимости между одновременными событиями, оно также необратимо. Это изменение значения закона причинности означает только освобождение причинности от возмездия.

Принято считать, что основным удар по закону причинности был нанесен недавно основанной квантовой механикой, механикой атомэлектрона. Его влияние на нашу концепцию природы можно сформулировать следующим образом: законы, которыми наука описывает природу, и на основе которых будущие события могут быть предсказаны, не выражают абсолютной необходимости, а лишь статистическую вероятность. Это не замена причинности статистическими законами, а изменение понятия причинности. Предположение о соотношении от событий к закону остается нетронутым. Только то, что вместо абсолютной необходимости прежних формулировок закона причинности появляется простая вероятность, например, предположение, что существует абсолютно необходимое соединение между причиной и следствием, заменяется понятием, что эта связь лишь вероятностная. Но этот результат уже является следствием понимания того, что причинность — это не выражение трансцендентной воли и потому не является нормой. Только норма может претендовать на незыблемость, ибо она не является утверждением о реальности и потому не может противоречить ей. Реальность, однако, как она теперь представлена в человеческом знании, не допускает нерушимого закона как схемы истолкования. Трансформация понятия закона, последним шагом которой является замена абсолютной необходимости простой статистической вероятностью, уже считается «революцией» в научном мышлении. Ее значение кроется в том факте, что с наиболее важным элементом уже покончено, а именно что понятие причинности все еще было обременено результатом воздействия идеи, из которой оно постепенно возникло: *αναγκη*, то есть необходимость, с которой *Δίκη*, богиня возмездия, наказывает злодеев и в то же время держит природу на предписанном пути.

Женева

Примечание

¹ Перевод выполнен А. Б. Дидикиным по изданию 1939 г.: Kelsen H. Causality and Retribution // Erkenntnis. 1939. Vol. 8, Issue 1. P. 424 — 429. DOI: 10.1007/bf00176050.

Сведения о переводчике
ДИДИКИН Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, ведущий научный сотрудник.

SPIN-код: 4897-4450
 ORCID: 0000-0003-0808-8900
 AuthorID (SCOPUS): 56308857400
 ResearcherID: C-7039-2018
 Источник перевода: Kelsen H. Causality and Retribution // Erkenntnis. 1939. Vol. 8, Issue 1. P. 424–429. DOI: 10.1007/bf00176050.
 Ссылка на полный текст статьи: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/BF00176050.pdf>
 Адрес для переписки: abdidikin@bk.ru

Для цитирования

Кельзен Г. Причинность и возмездие = Kelsen H. Causality and Retribution / пер. с англ. А. Б. Дидикина // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 108–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-108-111.

Статья поступила в редакцию 28.12.2019 г.
 © Г. Кельзен

UDC 340.124
 DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-108-111

H. KELSEN

The Graduate Institute
 of International Studies,
 Geneva, Switzerland

Translated from English
A. B. DIDIKIN

Institute of State and Law RAS,
 Moscow, Russia

CAUSALITY AND RETRIBUTION

A translation of a paper by the Austrian philosopher and lawyer Hans Kelsen devoted to the conceptual understanding of the principle of causality in humanitarian knowledge is presented. The paper formulates and justifies the thesis that the origins of ideas about causality in nature should be found in ancient mythology and philosophy, where the key reference point for the perception of nature and society was the principle of retribution. On the basis of historical and philosophical reconstruction of the philosophical ideas of Heraclitus and Democritus Kelsen traces the evolution of the principle of causality to the present day, including the emergence of new theories in the field of quantum mechanics and mathematics.

Keywords: causality, retribution, mythology, ancient philosophy, Hans Kelsen.

Printed with permission from the Hans Kelsen-Institut (Austria, Vienna).

ResearcherID: C-7039-2018
 Address for correspondence: abdidikin@bk.ru

For citation

Kelsen H. Causality and Retribution / trans. from Engl. A. B. Didikin // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 108–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-108-111.

Received December 28, 2019.
 © H. Kelsen

About the translator

DIDIKIN Anton Borisovich, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, Head of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory Department, Leading Researcher.

SPIN-code: 4897-4450
 ORCID: 0000-0003-0808-8900
 AuthorID (SCOPUS): 56308857400